

Раковский Христиан Георгиевич

Современная Франция
История Третьей республики

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
Х93

Х93 **Христиан Георгиевич Р.**
Современная Франция: История Третьей республики / Раковский Христиан Георгиевич –
М.: Книга по Требованию, 2023. – 487 с.

ISBN 978-5-519-80285-7

ISBN 978-5-519-80285-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

раго. Они забыли тѣ качества старой Франціи, которыя дѣлали ее привлекательною для всѣхъ народовъ; они забыли ея гуманныя традиціи. Когда, во время армянской рѣзни, одна часть французскаго общества требовала энергическаго вмѣшательства правительства въ пользу армянъ,—газета „Le Gaulois“ отвѣчала: „Довольно ужъ Франція думала о другихъ, пора ей подумать о себѣ“; далѣе газета смѣялась надъ „идеализмомъ“ нѣкоторыхъ теперешнихъ французовъ. Какъ мы далеки отъ тѣхъ временъ, когда, послѣ войны за итальянское объединеніе, въ 1859 г. самъ Наполеонъ III съ гордостью произносилъ слѣдующія слова: „Одна только Франція—государство, которое способно воевать за идею!“ Но смѣясь надъ идеализмомъ своихъ отцовъ, практическое современное поколѣніе, перенило однако, у нихъ все, что составляло непривлекательную сторону ихъ дѣятельности. Оно воспоминаетъ ихъ побѣды, то есть то, что составляетъ самое горькое воспоминаніе для другихъ народовъ. Оно стремится прикрыть свою собственную наготу лохмотьями былой французской славы. Оно снова преподноситъ намъ наполеоновскіе „треугольную шляпу и сѣрый походный сюртукъ“. Ахъ, эта наполеоновская легенда! Она, какъ „упрямый трупъ“ (*cadavre récalcitrant*) продолжаетъ жить и, несмотря на то, что трезвыя поколѣнія въ началѣ второй имперіи забросали ее камнями, —она постоянно воскресаетъ въ раздраженномъ воображеніи современной французской повиннической молодежи. Развѣ это не свидѣтельствуетъ о духовной немощи,—чтобы не сказать болѣе,—современнаго поколѣнія? Неполно приходитъ на мысль дряхлые старики, которые, въ своемъ умственномъ разслабленіи, не могутъ вспомнить изъ всей своей жизни ничего, кромѣ дѣтскихъ игръ. Теперь самое большое удовольствіе парижской толпы—это военные парады, барабанный бой, военная музыка. Подъ этотъ шумъ французская молодежь прививаетъ народу ненависть къ сосѣдямъ. Эта миссія тѣмъ легче выполняема, что французскій народъ, до сихъ поръ вполне самъ себя удовлетворявшій, остался въ полномъ невѣдѣніи относительно того, что такое другіе народы; многіе образованные французы способны помѣстить Петербургъ на Дунай, а Нему провести черезъ Вѣну. Такое невѣжество теперь не имѣетъ никакихъ оправданій, но оно продолжаетъ существовать, какъ необходимое условіе развитія національнаго самолюбія. Когда французы видятъ успѣхи другихъ народовъ, ими овладѣваетъ ребяческая зависть, и, наоборотъ, они радуются всякому ихъ пораженію. Пораженіе итальянцевъ въ Абиссиніи возбудило во Франціи такую неприличную радость, что она вызвала, какъ извѣстно, дипломатическую переписку между Франціей и Италіей. Такъ же вѣрно, что если теперь французы радуются успѣхамъ буровъ или сожальютъ объ ихъ пораженіяхъ, то это не слѣд-

ствіе симпатіи къ бурямъ, а вслѣдствіе ненависти къ англичанамъ. Такова идеологія современной французской интеллигенціи.

Матеріальный упадокъ Франціи отразился, хотя и гораздо слабѣе, на французской наукѣ. Конечно, чѣмъ дальше отъ столкновенія общественныхъ интересовъ стоитъ предметъ науки, тѣмъ меньше отражаются на ней общественныя колебанія. Но и тутъ вліяніе ихъ все-таки несомнѣнно. Технические усовершенствованія немыслимы, когда они не требуются самимъ производствомъ. Вотъ почему они значительно въ другихъ странахъ, чѣмъ во Франціи. То же самое можно сказать отчасти и о другихъ наукахъ, которыя тоже прогрессируютъ слабѣе, чѣмъ у сосѣдей. Когда три года тому назадъ Кохъ сталъ готовить такъ называемый резидуальный туберкулинъ, то одинъ французскій профессоръ сказалъ: „Ничего нѣтъ удивительнаго, что не мы это сдѣлали: вѣдь мы цѣлые десять лѣтъ принимали подъ микроскопомъ бациллы птичьей чахотки за бациллу Коха“.

Можно сказать, что историческій кризисъ, переживаемый Франціей за послѣдніе тридцать лѣтъ, общъ для нея съ другими латинскими народами, какъ будто этой расѣ, населяющей южную Европу и ставшей мягкой и изнѣженной подъ вліяніемъ теплаго южнаго солнца, не достаетъ необходимой для фабричнаго производства физической энергіи. Плодородіе ихъ земли и богатство природы, въ связи съ сравнительно скромными потребностями населенія, удержали земледѣліе въ примитивныхъ формахъ и оказали задерживающее вліяніе на всю ихъ экономическую жизнь.

Но какъ бы ни грустна была южная осень, она все-таки гораздо роскошнѣе всякой сѣверной весны. Застой въ матеріальной жизни народа не останавливаетъ всего ея развитія такъ, какъ останавливающійся локомотивъ — прицѣпленные къ нему вагоны; историческія явленія идутъ не съ прямолинейностью физическихъ явленій, производимыхъ въ лабораторіи; они похожи скорѣе на физическія явленія въ природѣ. Вода въ двухъ сообщающихся сосудахъ съ равнымъ основаніемъ будетъ неизмѣнно стоять на одинаковомъ уровнѣ, какую бы форму ни имѣли эти сосуды. Но вода подземныхъ теченій, при наличности всѣхъ условій проявленія этого закона, можетъ не достигъ одного и того же уровня, если съ одной стороны она выходитъ на поверхность земли, а съ другой, встрѣчая твердые гранитные пласты и, не пробивъ ихъ, разливается подъ широкимъ озеромъ. Точно такъ же извѣстныя стороны французской общественной жизни находятся въ застоѣ, нѣ затинѣ, но другія ея стороны могутъ прогрессировать, хотя и не въ такой степени, какъ если бы вся общественная жизнь равномерно прогрессировала въ одномъ направленіи. Дѣло въ томъ, что, съ развитіемъ жизни вообще, извѣстныя явленія, находившіяся

прежде въ непосредственной зависимости отъ другихъ, какъ будто бы освобождаются и начинаютъ идти самостоятельнымъ путемъ. Чтобы яснѣе выразить нашу мысль, скажемъ прямо: та совокупность явленій, которую, для легкости нашего пониманія, мы классифицируемъ подъ словомъ факторы, несомнѣнно подчиняются развитію экономической жизни. Но съ другой стороны, каждый изъ этихъ факторовъ заключаетъ въ себѣ столько своихъ собственныхъ элементовъ, что онъ можетъ нѣкоторое время продолжать жить и развиваться благодаря только своимъ накопленнымъ силамъ даже тогда, когда экономическія условія ему болѣе не благопріятствуютъ. Извѣстно, что растеніе, потерявшее свои первичные корни, продолжаетъ питаться своими вторичными воздушными корнями.

Такимъ образомъ, въ то время какъ экономическая жизнь Франціи находится въ упадкѣ, ея политическая жизнь развивается и это благодаря ея формѣ правленія. Республиканская форма правленія даетъ широкій просторъ борьбѣ общественныхъ классовъ, просторъ личной инициативѣ, отрывая массы путь къ непосредственному управленію страной и давая просторъ всевозможнымъ парламентскимъ комбинаціямъ. Вѣроятно, министерство Вальдекъ Руссо-Галлифе-Мильеранъ—не послѣдній сюрпризъ, который она намъ готовитъ.

При республикѣ существуетъ сильная организованная печать, могучее общественное мнѣніе, которое можетъ дѣлать большія отклоненія, платить крупныя даны шовинизму, но все-таки не нарушаетъ извѣстныхъ этическихъ принциповъ. Правда, мы переживаемъ теперь смутную эпоху и нѣтъ ничего абсолютно невозможнаго. Это особенно проявилось въ дѣлѣ Дрейфуса. Но есть вещи, которыя немыслимы во Франціи; во Франціи немыслима, наиримѣръ, была бы такая война, какую ведетъ теперь Англія противъ независимости южно-африканскихъ республикъ.

Общественная жизнь полна противорѣчій; нельзя относиться только положительно или только отрицательно ко всей богатой совокупности ея явленій; они не представляютъ механически повторяющихся однородныхъ единицъ и, рядомъ сторонами, бросаются въ глаза и отрицательныя съ положительными. То же самое обнаруживается и въ этой Франціи „en décadence“. Но нужно обладать особенно глубокой наблюдательностью, чтобы замѣтить, что этотъ парадъ сохранилъ еще много чертъ своего прежняго рыцарскаго духа. Если это не видно воочию, то это чувствуется. Этотъ рыцарскій духъ живетъ не только въ тѣхъ, кого называютъ „піонерами справедливости и истины“, но даже и въ ихъ противникахъ. Одиссея антисемита Герена, который прожилъ больше 40 дней въ грязной норѣ, пилъ дождевую воду и выдержалъ настоящую осаду, сознавая, что это будетъ ему стоить десятковъ лѣтъ

тюрьмы; нескончаемые заговоры Деруледа — „Déroulédindon“, какъ его называли Рошфоръ въ то время, „когда у него еще было остроуміе“, — и вообще пѣкоторыя черты, встрѣчаемыя во всѣхъ лагеряхъ, еще разъ рисуютъ намъ француза съ его самымъ лучшимъ качествомъ — способностью увлеченія и самопожертвованія.

Нѣтъ, я не скрываю отъ себя, не скрылъ и отъ читателей всего паденія Франціи; я сказалъ, что она перестала быть „le soldat du droit“, какъ ее называли въ прошломъ, но кто станетъ отрицать, что и теперь доброе дѣло находить самыхъ горячихъ защитниковъ именно во Франціи?

Французскія легкомысліе и вѣтренность пошли въ поговорку; я знаю, что французы любятъ театральность, „красивыя слова и красивые жесты“, но если это краснорѣчіе и театральные жесты — часто только притворство или пустая шумиха:

„Ne sont que des mots vains, qu'affectation pure,
„Ce n'est point ainsi que parle la nature“.

(*Le Misanthrope, Molière*).

— то очень часто, чаще чѣмъ въ другихъ странахъ, эти слова во Франціи воплощаются въ поступкахъ. Французу можно упиваться краснорѣчіемъ, потому что онъ умѣетъ и дѣйствовать больше, чѣмъ другіе народы. Обладаетъ ли какой-нибудь другой народъ исторіей, болѣе исполненной трагическихъ событій, чѣмъ исторія Франціи? Въ лѣтописяхъ какого другого народа вписано больше именъ ученыхъ, поэтовъ, какой другой народъ далъ столько борцовъ за общечеловѣческіе идеалы и столько жертвъ за ихъ осуществленіе?

Правда, что во Франціи общественные дѣятели не остаются всегда вѣрны своимъ идеаламъ; мы видимъ тамъ представителей самыхъ крайнихъ и враждебныхъ лагерей, какъ Мильеранъ и Галлифе, вступающими въ одно министерство, но самая сущность свободной парламентской жизни, обизывающая всѣ партіи непосредственно участвовать въ управленіи страной, дѣлаетъ возможными такія явленія. Мы не хотимъ здѣсь ни оправдывать, ни осуждать: отдѣльныя личности какой-нибудь группы могутъ съ пользою предпринимать извѣстные шаги, и, наоборотъ, если бы эти шаги были сдѣланы всей группой, они отразились бы крайне вредно на ея развитіи. Но что несомнѣнно, такъ это то, что эти явленія зависятъ отъ особенныхъ условій французской политической жизни, а не отъ непорочности французскихъ нравовъ. Если бы Германія пользовалась такою широкою политической свободой, если бы тамъ партіи лѣвой пріобрѣли тамъ половину того непосредственнаго вліянія на политическую жизнь, которымъ пользуются ихъ численно слабѣйшіе собратья во Франціи, то, несомнѣнно, и онѣ не сохранили бы своей теперешней цѣльности и дисциплины. Нужно опѣшивать людей и событій по ихъ настоящей стоимости и воздавать каждому должное.

Выскажемъ же нашу глубокую признательность этому народу, столько сдѣлавшему для общаго блага человѣчества. Всякій образованный человекъ носить въ своей душѣ хоть нѣсколько атомовъ французскаго духа, и еще болѣе всякій цивилизованный народъ, въ своемъ духовномъ наследствѣ, передающемся отъ поколѣнія къ поколѣнію, сохраняетъ много идей и добрыхъ чувствъ, составляющихъ даръ Франціи. Мы продолжаемъ жить и еще долго будемъ жить въ духовной атмосферѣ, часто освѣжаемой вѣяніями, идущими съ Запада. Если французскій характеръ менѣе подходитъ къ современному капиталистическому строю, чѣмъ характеръ другихъ народовъ, если живость и энтузіазмъ француза, быстро истощая его физическія силы, дѣлаютъ его неспособнымъ къ постоянному напряженію воли,—то онъ все-таки будетъ продолжать вносить въ общее достояніе цивилизаціи то, что соответствуетъ его природѣ.

Еще много свѣтлыхъ дней предстоитъ въ будущемъ этому живому, горячему народу, народу, переходящему съ легкостью отъ дѣтски-наивнаго состраданія къ какому-нибудь бѣдному псу, „toutou“, которого мучили его хозяева и тѣмъ вызвали взрывъ возмущенія во всѣхъ парижскихъ газетахъ,—къ крайнимъ предѣламъ высокаго героизма, доступнаго для человека, къ той „furie gauloise“, которая втеченіе вѣковъ вызвала почтительное удивленіе лѣтописцевъ. Франція еще недавно такъ высоко стояла въ уваженіи и любви народовъ, что, какъ она ни пала, она все еще во многихъ отношеніяхъ недосигаема для нихъ. И я твердо вѣрю, что еще долго галльскій плѣтухъ первый будетъ возвѣщать появленіе зари.

Раньше чѣмъ кончить, позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ о методѣ нашего изслѣдованія. Къ какимъ школамъ ни принадлежали бы историки, они непремѣнно должны быть согласны въ одномъ пунктѣ: все они должны исходить изъ фактовъ. Поэтому первой нашей задачей будетъ вѣрное изображеніе людей и событій, въ томъ хронологическомъ порядкѣ, въ какомъ они появляются на политической сценѣ. Конечно, мы не остановимся только на этомъ.

Дѣло географа, дающаго намъ описаніе рѣкъ и притоковъ какой-нибудь страны,—только половина дѣла. Мы должны подняться на извѣстную высоту, чтобы охватить взглядомъ все эти рѣки, и тогда мы увидимъ, что, несмотря на все ихъ фантастическіе изгибы, онѣ подчиняются извѣстной системѣ, стремятся къ опредѣленнымъ бассейнамъ. То же самое относительно общественныхъ явленій. Когда мы разсматриваемъ каждое изъ нихъ въ отдѣльности, то они кажутся намъ произвольными, но, разсматривая ихъ въ ихъ совокупности, мы видимъ, что они поддаются извѣстнымъ обобщеніямъ, и что они—это самое

главное,—дѣйствуютъ въ жизни не столько въ одиночку, сколько совместно. Такимъ образомъ, путемъ извѣстнаго историческаго обобщенія создаются группы, сословія, классы; частный интересъ переходитъ въ классовый, въ національный, въ общечеловѣческій. Это сближеніе сходныхъ интересовъ и столкновеніе противоположныхъ выражается въ борьбѣ общественныхъ теченій въ экономической, духовной и политической областяхъ. Въ концѣ концовъ вся эта борьба находитъ свое ограниченіе въ состояніи производительныхъ силъ общества, которое кладетъ предѣлы какъ личной, такъ и общественной дѣятельности. Изслѣдуя такимъ образомъ исторію Франціи, мы отдаемъ себѣ отчетъ о причинахъ ея роста и паденія, и можемъ предвидѣть съ большимъ или меньшимъ вѣроятіемъ ея дальнѣйшую судьбу. Мы, однимъ словомъ, раскрываемъ тенденцію ея развитія. Это тѣмъ болѣе необходимо, что всѣ цивилизованныя народы, съ большими или меньшими отклоненіями, идутъ, во многихъ отношеніяхъ, тѣмъ же путемъ, ихъ ожидаетъ та же судьба. Здѣсь отъ частнаго мы переходимъ къ общему, отъ законовъ развитія отдѣльной націи—къ законамъ развитія всего цивилизованнаго человѣчества. Знаетъ ли человѣкъ законы этого развитія или нѣтъ—для конечнаго результата это безразлично.

И слѣпой, и зрячей оба находятъ свой домъ, только второй находитъ его скорѣе, не спотыкается по дорогѣ и испытываетъ при этомъ наслажденіе отъ вида окружающей природы, а несчастный слѣпецъ долженъ на каждомъ шагѣ оцупывать стѣны, отыскивать палкой дорогу и иногда падать.

Человѣчество въ стремительномъ движеніи впередъ похоже на стаю порелетныхъ птицъ, которыя, въ своемъ рудиментарномъ сознаніи, несомнѣнно считаютъ, что дѣйствуютъ по своей волѣ, переселяясь съ сѣвера на югъ. Но что же? Могучій инстинктъ ведетъ ихъ туда, гдѣ ихъ встрѣтитъ лучезарное солнце, гдѣ онѣ найдутъ прозрачный теплый воздухъ, смѣющуюся зеленую природу, жизнь и радость. Точно также могучій инстинктъ, глубокая, непоколебимая вѣра въ новую и лучшую жизнь—вѣра, возникшая въ человѣческой душѣ въ первую минуту, когда душа эта испытала и сознала горечь жизни—толкаетъ человѣчество впередъ и впередъ. И оно идетъ, преодолевая препятствія, приноситъ безчисленныя жертвы на поляхъ битвъ, на баррикадахъ, по тюрьмамъ, несетъ непосильный трудъ, раздавливающий слабыхъ его дѣтей, терпитъ униженія,—но продолжаетъ твердо вѣрить въ то, что французы называютъ „la justice immanente des choses“ (внутренней правдой вещей).

Среди всего этого намъ остается только слѣдовать совѣту Горация:
„Semper ad eventum festinat“.

Инсаровъ.

С.-Петербургъ,
Мартъ, 1900 г.

ВВЕДЕНІЕ.

Образованіе третьяго сословія и его судьба. — Причины и слѣдствія великой французской революціи. — Историческое значеніе реставраціи и июльская монархія. — Общественная борьба во время второй республики и государственный переворотъ Луи Бонапарта.

Nus sumus homes, cum il sunt.

Мы такъ же люди, какъ и они.

(Французская народная пѣсня XII столѣтія).

Прежде всего—нѣсколько словъ въ объясненіе настоящаго введенія. Если бы авторъ не боялся, что силы обмануть его, то онъ, въ самомъ началѣ, сказалъ бы, что онъ будетъ считать свою цѣль достигнутой въ томъ случаѣ, если читатель, перевертывая послѣднюю страницу этой книги, вынесетъ изъ нея то строгое и стройное впечатлѣніе, которое оставляетъ въ насъ правильная геометрическая фигура. Можно ли, однако, дать вѣрную и сколько нибудь полную картину общественныхъ движеній Франціи, не обращаясь къ тому прошлому, въ которомъ сложились ихъ элементы? Историкъ третьей республики не можетъ не оглянуться на эпоху великой французской революціи и на исторію развитія третьяго сословія,---такъ же, какъ ботаникъ, описывая жизнь растений, не можетъ не говорить объ ихъ корняхъ.

При бѣгломъ обзорѣ, охватывающемъ цѣлое столѣтіе, множество очень интересныхъ фактовъ будетъ принесено въ жертву желательной краткости, но общія заключенія должны оставаться неизмѣнными и не страдать отъ этой краткости. Положеніе историка похоже, въ этомъ случаѣ, на положеніе воздухоплавателя, который, глядя на землю съ извѣстной высоты, видитъ ясно и вѣрно общіе контуры мѣстности. Кромѣ того, пути къ историческимъ истинамъ изъ прошлаго Франціи такъ торны и избиты, что задача наша сводится только къ тому, чтобы ступить на нѣсколькихъ страницахъ заключенія, господствующія въ исторической наукѣ и признаваемые всѣми лагерями.

1.

Когда Франція наконецъ вышла изъ бурнаго революціоннаго періода, то измѣнилось оружіе борющихся общественныхъ классовъ. Парламентскія рѣчи, полемическія статьи въ газетахъ, журналахъ и книгахъ, историческія монографіи заняли въ политической борьбѣ мѣсто гильотины и проскрипціи. Именно въ это время, во время реставраціи и іюльской монархіи, и появилась та богатая историческая литература о до-революціонной Франціи, которая и теперь еще составляетъ основу всякой исторической работы, относящейся къ той эпохѣ.

По общему мнѣнію историковъ время реставраціи, включъ къ великой французской революціи надо считать въ развитіи третьяго сословія. Вотъ, какъ формулируетъ эту идею Огюстенъ Тьерри въ своей книгѣ: „*Essais sur l'histoire de la formation du Tiers Etat*“: „L'histoire du tiers état n'est, au fond, que l'histoire même du développement et des progrès de notre société civile depuis le chaos des mœurs, des lois et des conditions, qui suivit la chute de l'empire romain jusqu'au régime d'ordre, d'unité et de liberté, de nos jours“. [„Исторія третьяго сословія есть, въ сущности, ничто иное, какъ исторія развитія и прогресса нашего гражданскаго общества отъ того хаоса нравовъ, законовъ и состояній, который наступилъ послѣ паденія римской имперіи, къ порядку, единству и свободѣ, характеризующимъ современный строй“].

Общественное значеніе третьяго сословія начинается съ усиленіемъ, такъ называемаго, общиннаго движенія (*mouvement communal*). Движеніе это состояло въ стремленіи къ общинному самоуправленію возрождающихся старыхъ галльскихъ городовъ и вновь образовавшихся мѣстечекъ. Подробное изложеніе причинъ этого возрожденія не входитъ въ нашу задачу, но, такъ какъ оно имѣетъ большое значеніе въ дальнѣйшей борьбѣ третьяго сословія, то необходимо отмѣтить, по крайней мѣрѣ, его главнѣйшія черты. Скажемъ прежде всего нѣсколько словъ о матеріальномъ подъемѣ городовъ.

Передъ нашествіемъ франковъ въ Галлію было много городовъ, въ которыхъ кипѣла промышленная и торговая жизнь. Частныя и государственныя предпріятія разрабатывали естественныя богатства страны. Между различными родами индустріи, отмѣченными Левассеромъ въ его книгѣ: „*L'histoire de la classe ouvrière*“ онъ упоминаетъ о слѣдующихъ: монетныя мастерскія въ Лионѣ, Арлѣ, Трирѣ, мастерскія золотыхъ и серебряныхъ вещей въ Арлѣ, Реймѣ, Трирѣ, оружейныя фабрики въ Макогѣ, Отанѣ, Реймѣ, Амьенѣ, Суассонѣ, Страсбургѣ, Трирѣ;

красильныя мастерскія въ Тулонѣ и Нарбоннѣ, мануфактурное производство тканей въ Вьеннѣ.

Нашествіе варваровъ положило конецъ этому промышленному развитію. Искусства и ремесла исчезли, а сами ремесленники превратились въ крѣпостныхъ и очутились подъ властью феодаловъ или епископовъ. Въ то же время погибло и прежнее городское самоуправленіе. Чтобы сохранить то привилегированное положеніе, которымъ она пользовалась въ римскомъ обществѣ, аристократія приняла права завоевателей и ассимилировалась съ ихъ высшими слоями. Этотъ процессъ исчезновенія старой римской культуры предъ новою германскою тянулся нѣсколько столѣтій и совершенно закончился только въ XIII вѣкѣ. Разложеніе нѣкоторыхъ формъ римской жизни началось еще прежде нашествія варваровъ. Напримѣръ, переходъ рабства въ новый экономическій типъ являлся неизбежнымъ слѣдствіемъ развитія самихъ экономическихъ отношеній въ Римѣ *).

Подъ какими понятиями вліяніями началось возрожденіе городской жизни изъ ея упадка? Прежде всего нужно замѣтить, что нѣкоторыя ремесла, безъ которыхъ не могло обойтись даже и само феодальное общество, продолжали существовать и въ самыя темныя эпохи феодальнаго режима. Въ монастыряхъ и въ церквахъ сохранились многія старыя производства: они даже расширились вслѣдствіе съ обогащеніемъ духовенства, которое явилось носителемъ и хранителемъ научныхъ и художественныхъ традицій римской жизни. Построеніе множества монастырей и церквей давало толчокъ развитію архитектуры. Но настоящая причина возрожденія городовъ лежитъ въ самомъ ходѣ развитія феодальнаго общества. Относительный миръ, наступившій послѣ бурнаго періода нашествія варваровъ, способствовалъ широкому развитію земледѣлія. Начали подвергаться обработкѣ громадныя пространства земли, захваченныя новыми властителями. Избытокъ земледѣльческихъ продуктовъ далъ феодаламъ возможность вести роскошную жизнь; возникъ живой обмѣнъ между городами и замками, возродились ремесла, производящіе предметы роскоши. Познавши прелесть роскоши, феодалы оказывались вынужденными прибѣгать къ ростовщикамъ и это обстоятельство опять ставило ихъ въ зависимость отъ города. Они начали освобождать крестьянъ за деньги и этимъ давали новый толчокъ развитію земледѣлія, снимая съ него многообразныя феодальныя тяготы. Возрожденіе городовъ и подъемъ земледѣльческаго производства совпадаютъ одно съ другимъ, находясь въ постоянномъ взаимодействіи. Еще Тьерри отмѣчаетъ, что расцвѣтъ городовъ въ XII столѣтіи совпадаетъ „съ разработкой подъ пашню лѣсовъ и невоздѣланныхъ

*) *Fristel de Coutanges*, Les origines du régime féodal. (Revue des deux mondes, Mai 1873).

земель, въ неслыханныхъ дотоѣ размѣрахъ“ *). Итакъ завоеватели, сами, въ силу своихъ собственныхъ нуждъ, поставили себя въ зависимость отъ городовъ.

Развитію французскихъ городовъ способствовало и много другихъ обстоятельствъ, наиримѣръ, развитіе торговли въ сѣверныхъ итальянскихъ городахъ. Часть итальянской торговли шла черезъ Францію, черезъ Марсель; рѣки же Рона и Сена являлись для Италіи естественнымъ торговымъ путемъ въ Германію и Голландію. Этотъ торговый путь вель черезъ Лионъ. Городъ Бордо былъ расположенъ на пути торговли съ Англіей. Столкновения французовъ съ арабами во время крестовыхъ походовъ познакомили ихъ съ нѣкоторыми важными открытіями, между которыми первое мѣсто занимали: искусство лить желѣзо, арабскія цифры и элементарная химія.

Итакъ, старые римскіе города начали возрождаться, какъ фениксы, изъ собственнаго пепла.

Разложене въ средѣ самаго франккаго общества явилось новымъ факторомъ развитія городовъ. Въ этомъ обществѣ три элемента вели постоянную борьбу между собой; этими тремя элементами были: свободные крестьяне, феодалы и король **). Постоянныя войны и долгая военная служба ставили крестьянъ въ зависимость отъ ихъ военныхъ начальниковъ, которые постепенно обращали свободныхъ крестьянъ въ крѣпостныхъ. Въ то же время, какъ средній классъ въ старыхъ римскихъ городахъ потерялъ, подъ нашествіемъ варваровъ, городское самоуправленіе, значительная часть самихъ завоевателей превращалась, подъ давленіемъ феодаловъ, въ безправную массу. Это уравнивало экономическое положеніе завоевателей и завоеванныхъ и создавало между ними духовную солидарность, которая скоро должна была закрѣпиться неразрывными матеріальными узами.

Феодальныя отношенія въ своемъ логическомъ развитіи привели къ совершенно неожиданнымъ и нежелательнымъ для самихъ феодаловъ послѣдствіямъ. Отношенія эти не только вызвали къ новой жизни города, они способствовали еще созданію въ средѣ сельскаго населенія новой категоріи свободныхъ крестьянъ.

Прикрѣпленіе крестьянина къ землѣ и запрещеніе жениться на дѣвушкахъ изъ другихъ феодальныхъ имѣній безъ особаго разрѣшенія— были правами сеньора; между тѣмъ, пользованіе этими правами вызвало появленіе большихъ селъ, жители которыхъ были связаны между собой родственнымъ узами. Вокругъ этихъ селъ устраивались крѣпости и окопы для защиты отъ нашествій норманновъ. Крестьяне должны были воевать

*) *Augustin Thierry*, *Essais sur l'histoire de la formation du Tiers Etat*, p. 37.

**) *Guizot*, „*Essais sur l'histoire de France*“, 6-ème édition 1844, p. 170—171.